

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (РУССКИЙ, БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫКИ)

УДК 811.161.1'42'25:811.161.3'42'25:821.581-1*Ду Фу

А. А. Аксёникова

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫКИ ОДНОГО ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ КЛАССИКА КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ ДУ ФУ

Введение. Блестящая эпоха Тан стала временем расцвета Китая и золотым веком китайской поэзии. Она подарила стране подлинных гениев, и одним из них является «священномудрый поэт» Ду Фу (712—770), стихи которого оказали большое влияние на поэтическое творчество китайских литераторов последующих эпох. Произведения Ду Фу неоднократно переводились на различные языки, в том числе на русский и белорусский. Актуальность исследования заключается в рассмотрении китайского стихотворного текста с точки зрения перевода на русский и белорусский языки. Цель данного исследования — выявление лексико-стилистических и грамматических особенностей перевода китайского стихотворения на русский и белорусский языки.

Основная часть. Материалом исследования послужило первое стихотворение Ду Фу из цикла «Восемь стансов об осени». Для сравнительного анализа нами отобраны три перевода, первый из которых принадлежит Э. В. Балашову [1, с. 37], второй — белорусскому поэту Н. М. Метлицкому [2, с. 89], а третий перевод осуществила Н. М. Азарова [3, с. 123]. В исследовании применён метод лингвостилистического анализа, позволяющий провести сопоставление текстов подстрочного перевода [1, с. 51] и художественных переводов на уровне значения и стилистических особенностей слов; в процессе анализа нами использовались также внеязыковые сведения, позволяющие показать связь обстоятельств жизни Ду Фу с его произведением.

«Восемь стансов об осени» написаны поэтом в небольшом городе Гуйчжоу в 766 году. Это был период, ознаменованный тяжёлым состоянием страны и жизненными трудностями самого поэта, что нашло отражение в его стихах и придало им особенный колорит, позволяющий говорить о трагической музе Ду Фу. И вместе с тем для него это было время плодотворного творчества. Поэту открылось понимание вечности жизни, силы человеческого духа. Характерной чертой поэзии Ду Фу является лаконичность, отказ от деталей, увеличение семантического объёма каждого слова. В произведении два плана: внешний — то, что поэт видит в природе — и внутренний — то, что происходит в его душе. Вследствие глубокой символичности стихотворения оба плана весьма причудливо сплетаются.

Первая строка *Жемчужины-росинки ведут к увяданию кленовый лес* — это описание поздней осени. Традиционная метафора *росинки* создаёт реальную картину и вместе с тем символизирует быстротекущую жизнь, придавая лирическому стихотворению глубокий философский смысл. Дополненная глаголом *увядать*, строка рождает мысли и об «осени жизни» человека. Автор Э. В. Балашов для придания благозвучности делит каждую строку на две, максимально сохраняя при этом грамматический строй предложения и двухплановость стихотворения: *В жемчуге рос вянет листва, / клены, вся роща редее*. При этом сохраняется поэтический образ росинки, но его семантический смысл слегка изменён; кроме того, введены пояснения. Такому же принципу соответствует понимание этой строки Н. М. Метлицким: *Вяне ліста ў жэмчугах рос, / Клёны, гай белы радзее*. Поэтом-переводчиком добавлена не упоминавшаяся в тексте деталь *белы гай*. Своеобразный подход к осмыслению стихотворения демонстрирует Н. М. Азарова, которая не использует в своих переводах рифму, знаки препинания и заглавные буквы. Строка *осенью белых рос искалечен / оголённый кленовый лес*, на наш взгляд, лишена поэтичности, присущей оригиналу, за счёт использования причастия *искалечен* и буквального понимания выражения *осень белых рос* — сезон традиционного календаря. При этом возникают другие ассоциации: причиной увядания является не роса, а время года.

Следующая строка анализируемого стихотворения — *Горы Ушань, ущелье Усянь... все в природе грустно и уныло...* — продолжает описание окружающей природы. Горы в китайской культуре являются воплощением мужского начала и вечности природы. Акцент автором делается на том, что грусть является всеобщей. Так, Э. В. Балашов и Н. М. Метлицкий в равной мере с поэтическим мастерством передают состояние грусти, распространяющееся вокруг, сохраняя все семантические части: *Горы Ушань, ущелье Усянь — / духом уныния веет; Горы Ушань, цясніна Усянь — / Духам паныласці ве*. В переводе же Н. М. Азаровой строка *ушань гора и ущелье усянь / грустью туманной взвеси* не выражает законченной мысли, хотя в ней сохраняется ощущение всеобъемлющей печали и уныния.

Насыщены поэтическими и философскими образами следующие строки Ду Фу: *Валы волн на реке вскипают, захватывая само небо. / В ветре тучи над крепостью, стелясь по самой земле, погружают все во мрак.* Обе строки построены параллельно, им присущ динамизм, эмоциональность и яркость в изображении бушующей стихии. Чётко прослеживается влияние волн на небо и туч на землю. В то же время волны являются метафорой быстротечности и переменчивости жизни. Ветер символизирует проявление глубинных сил космоса, в котором переплетается материальное и духовное. Тучи — метафора человеческой жизни. Всё это придаёт ощущение трагизма человеческого существования. Автор Э. В. Балашов сохраняет утончённость оригинала, семантические части и грамматический строй предложений, но снижает напряжённость строк, уменьшая взаимодействие образов: *Волны на стрежне встают в полный рост, / в небе самом волненье. / Тучи над крепостью ветер сплотил, / слил их с земною тенью.* Схожего принципа придерживается Н. М. Метлицкий, добавляя, однако, не упоминавшуюся в стихотворении деталь *вечар*, чем в большей степени предоставляет личное восприятие данных строк: *Хвалі на стрыжні ўстаюць у свой рост, / Ў небе бярэцца вечар. / Хмары над крэпасцю вецер сціпіў, / Зліў іх з зямной чарнечай.* Так, Н. М. Азарова меняет местами предложения, что ослабляет причинно-следственные связи, поскольку в оригинале тучи — причина мрака на земле: *к земле темнеющей тянет ветер / тучи с горных скоплений / хлещет небо валами волн / вторит бурлящей реке.* При этом, однако, сохраняются лаконизм и глубина, присущие стихам Ду Фу.

Выразительны параллельно построенные строки *Кусты хризантем... во второй раз они расцвели... других дней слезы. / Одинокий челн крепко привязан... родных садов сердце.* Первые их части представляют собой описание природы, а вторые — *других дней слёзы и родных садов сердце* — характеризуют душевное состояние поэта, тоскующего по родным местам. Кроме того, следует отметить, что и куст хризантем, и одинокий челн являются устойчивыми метафорами одиночества. Таким образом, происходит переплетение картин осени и мыслей поэта о своей сложной жизни. Переводчики Э. В. Балашов и Н. М. Метлицкий не изменяют двухплановости строк, сохраняя основные семантические части, утончённость и изящество предложений: *Лес хризантем снова в цвету... / слезы иных дней жизни. / Челн одинокий в вечном плену... / сердце в садах отчизны.* Но если Э. В. Балашов оставляет неизменной присущую оригиналу неопределённость — слёзы прошедших или будущих дней, то Н. М. Метлицкий конкретизирует этот факт: *Лес хризантэм зноўку цвіце, / Дзень былы слёзы накінуў. / Човен у вечным палоне вады... / Сэрца ў садах айчыны.* Автор Н. М. Азарова лишает эти строки двухплановости, что упрощает их восприятие читателями. С поэтическим мастерством она по-своему интерпретирует их, делая акцент на изображении природы, а это снижает показ переживаний Ду Фу: *снова цветёт куст хризантемы / слезами ушедших дней / с одинокой лодкой на привязи сердце / возвращаюсь в родные пределы.*

Заключительные строки возвращают читателя к описанию окружающей действительности. Осень — это время, когда люди, готовясь к зиме, шьют тёплую одежду и стирают летние платья. В китайской классической поэзии стук валька о плиты — одна из примет осени. Кроме того, в строке присутствует мифологический образ — Белый Владыка — один из пяти Мировых Владык, повелитель Запада. Его именем была названа крепость Байди. *Зимние одежды повсюду требуют ножниц и аршина. Замок Белого владыки высится... спешат с вечерними плитами.* Во всех представленных вариантах переводов практически дословно, с сохранением всех семантических частей передано настроение этих строк. Поэты-переводчики позволили себе по-разному интерпретировать «замок Белого Владыки»: Э. В. Балашов и Н. М. Метлицкий идут по пути «экзотизации», используя образ Белого Владыки как божество: *Всюду в ходу нож и аршин: / шьются на зиму платья. / Белый Владыка вьсю пленен... / грохот вальков на закате. И Служаць заўсёдна нож і аршын: / Рупныя ў вечным старанні. / Белы Ўладыка вышшу брыдзе... / Пранікаў грук на змярканні.* Обыденное название крепости — Байди использует Н. М. Азарова: *с зимней одеждой повсюду / торопятся нож и мерка / в сумерках горных высоких город / вальками звучит байди.*

Заключение. Ду Фу считается одним из самых сложных для понимания китайских классиков. Многие в стихах поэта становятся ясным только при владении символикой некоторых ключевых образов и учёте душевного состояния поэта. Исследование трёх вариантов перевода первого стихотворения из поэтического цикла Ду Фу «Восемь стансов об осени» показало, что современные поэты-переводчики большое внимание уделили пониманию образов китайской классической поэзии, но каждый из переводов отражает особенности мировоззрения переводчика. Нами выявлено, что Э. В. Балашов и Н. М. Метлицкий стремились максимально сохранить грамматический строй стихотворения, его смысл и содержание, придерживаясь в переводе принципа «золотой середины». В свою очередь Н. М. Азарова предложила в чём-то авангардный взгляд на стихотворение Ду Фу. При этом сохраняется точность и лаконичность оригинала, но в определенной степени утрачивается присущий стихам Ду Фу национальный колорит.

Список цитируемых источников

1. Поэзия эпохи Тан VII—IX вв. / сост., вступ. ст. Л. З. Эйдлин. — М. : Худ. лит., 1987. — 479 с.
2. Пад крыламі Дракона. Сто паэзаў Кітая : зб. паэзіі / уклад. і пер. М. Мятліцкі. — Мінск : Звязда, 2012. — 280 с.
3. Ду Фу / сост. и пер. Н. М. Азарова. — М. : ОГИ, 2012. — 296 с.